

Шумные соседи

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Шумные соседи

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Евдокимов А.

Шумные соседи / А. Евдокимов — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Самуилыч повздорил с соседом Афоней, дошло до пальбы из ружья в воздух. Афоня пообещал Самуилыча пристрелить. Обещание Афони слышал весь двор. В тот же вечер Самуилыч со своей квартиры съехал, перебрался в малогабаритку — в ту, что метр на два да на высоту гроба. Под подозрением только Афоня. Однако частный сыщик Ян Янов — сосед Самуилыча и Афони — считает иначе.

© Евдокимов А., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

С улицы донесся крик: “Убью, урод!”. Кричал Афоня, мой сосед по площадке. Кричал с балкона. Кричал Самуилычу, что жил на втором этаже, над Афоней. Почему Самуилыч “жил”? Потому что Самуилыч со своей квартиры съехал, перебрался в малогабаритку – в ту, что метр на два да на высоту гроба. Но о грустном позже.

Через минуту после того, как Афоня пообещал Самуилыча убить, на улице грохнул выстрел. Эхо отразилось от трёх девятиэтажек, ушло гулять по району. Дворовой гомон летнего воскресного вечера оборвался. Двор накрыла тишина. Даже воробьи, что чирикают весь день без умолку, и те заткнулись, словно прислушивались: бабахнет или нет ещё разок. Бабахнуло.

Второй выстрел показался намного громче первого, ведь разорвал тишину. Двор заголосил, запричитал мамашами, что звали детишек явиться пред родительские очи: мол, живы ли?

Я отлепил себя от кресла, потащил на балкон.

Я осмотрел двор. Детишки скучковались под родными подъездами, мамыши отпрысков пересчитали, справились о здоровье. Детишки отпартовали как один, чуть не хором: “Мам, со мной всё тип-топ. Это старый Самуилыч. Опять строит Афоню”. Мамаши успокоились, дали чадам добро на продолжение веселья.

Через пару минут дворовой гомон набрал прежнюю силу.

Я вернул себя в кресло. Хоть часы и показывали шесть вечера, а на балконе вечерней свежестью не пахло. Заходящее солнце светило прямо в мой балкон, и прохладными лучи ближайшей звезды я бы не назвал. В квартире жара и духота доставали поменьше. Потому я балкон покинул, спрятался в комнате. Тем более что интересного во дворе я не увидел. Ни трупа с дыркой, ни человека с ружьём я во дворе я так и не разглядел, как ни старался.

Да и стараться-то, по большому счёту, смысла не имело. К крику Афони и стрельбе Самуилыча я мог бы и привыкнуть. Всё же не в первый раз Самуилыч пакостил Афоне, а Афоня в ответ обещал Самуилыча прибить. Причём обещания Афони слышал весь двор. В ответ на обещания Афони Самуилыч лупил дуплетом из двустолки в воздух. Зачем? Острастки ради. Мол, ты, соседushка, обещай, да не заговаривайся, потому как ружьишко-то не у тебя, а у меня, да завсегда заряжено.

Потому искать трупы во дворе было бы глупо. Самуилыч всегда палил в небо.

После добрососедской перебранки-перепалки Афони и Самуилыча я вернулся к бесцельному брожению по новостным сайтам.

Если до стычки соседей я сидел в относительной тишине, то после стрельбы я бродил по сети под звуковое сопровождение, что доносилось с афониного балкона. Я сидел в комнате, и тем не менее слышал, как Афоня минут пятнадцать бродил по кухонному балкону, шуршал, гремел ведром, плескал водой, матерился. Слышимость в моём доме и без того расчудесная, так для полного счастья у меня с Афоней общая стена.

Среди матерных слов в монологе Афони попадались и обычные. Когда я выудил редкие нормальные слова из потока афониного мата, я понял, что Афоня поминал незлым тихим словом рыбью требуху на балконной решётке и чешую на стёклах. Вот из-за них-то – чешуи да требухи – спокойным воскресным вечером Афоня и пообещал Самуилыча убить, а Самуилыч в ответ решил пострелять.

Зри в корень, как говорил некто Козьма. Причина стычки Афони и Самуилыча корнями уходила не в чешую да требуху, а в рыбалку, с которой Самуилыч прибыл за час до стрельбы дуплетом. Не будь той рыбалки, и Самуилыч мог бы ещё грешну землю потоптать. Хотя, если уж положить руку на сердце, то рыбалка была ни при чём.

Если начинать от корня, от рыбалки, то за час до палбы по ясному небу дуплетом, около пяти вечера я увидел, как к подъезду подкатил “Запорожец” Самуилыча, тарахтящий на весь двор наш и три соседних. Пока Самуилыч извлекал из салона снасти, клеенные-переклеенные рыбацкие сапоги, плащ-палатку, рюкзак, раскладной стул, прочую рыбацкую дребедень, в числе которой садок с нехилым – килограммов восемь-десять отборных карасей – уловом, я

предположил, что вечернее шоу с пальбой из обоих стволов двору обеспечено. Предположение моё строилось не на пустом месте, а на истории.

Самуилыч возвращался с рыбалки всегда с уловом. Чтобы Самуилыч вернулся без рыбы... такого я не помню. Ну а раз возвращался с уловом, то Самуилычу нужно было рыбку почистить. Что Самуилыч и делал. Рыбы кишки, хвосты, плавники, чешую нормальные люди выбрасывают в мусорный бак, что смердит перед подъездом, или хотя бы в мусоропровод. Но не таков Самуилыч, чтобы жить как все. Самуилыч выбрасывал требуху да чешую с балкона. Так кормил подвальных котов. Мол, коты ловят в подвале крыс, за то мы должны их кормить.

Самуилыч, когда выбрасывал с балкона хоть что-нибудь, вниз не смотрел. Выбрасывал ли Самуилыч пустой спичечный коробок, выплёскивал ли полкастрюли скисшего борща, а куда кидал-выплёскивал, не смотрел из принципа: мол, двор общий, что хочу, то и делаю.

Всё, или почти всё, что выбрасывал с балкона Самуилыч, повисало на балконной решётке соседа снизу – Афони. Что могло отлететь от прутьев решётки и размазаться по стёклам афониного балкона, отлетало и размазывалось.

Вернусь к чешуе на балконных стёклах Афони.

После афониных громогласных обещаний убить верхнего соседа, ответной стрельбы Самуилыча, и незлых тихих матов Афони, когда тот возился на балконе, я понял, что Самуилыч приехал с рыбалки, почистил рыбу, и опять выплеснул из тазика требуху. Причём не вышел во двор, как нормальные люди, и не накормил котов в отведённом для этого месте, а выплеснул требуху с помоями с балкона, и рыбы кишки повисли на решётке Афони, а чешуя налипла на стёкла балконных окон.

Наверное, за такое я бы тоже пообещать прибить.

Когда минут через пятнадцать после стрельбы Самуилыча Афоня уgomонился, и плескать водой на балконе под звучный матерок перестал, я решил, что Афоня окна да решётку вымыл, и отправился в комнату.

Я угадал. В половине седьмого у Афони заработал телевизор. Шла передача “Громкие преступления” типа бибисишных передач ни о чём, но подробных до зубной боли. Благодаря проектировщикам бетонных девятиэтажек слышимость в моём доме хорошая. Я слышал каждое слово, что вылетало из динамиков афониного телека, только в приглушённом виде.

С половины восьмого до девяти из квартиры Афони доносилась тишина. В девять Афоня закопошился на кухне. Наверное, готовил ужин. Такова она, жизнь холостяцкая: и не накормят тебя голодного, и не напоят томимого жаждой. Всё, как говорится, своими руками.

В половине десятого я услышал скрип петель, на которых висела входная дверь Афони. Миг спустя до меня донёсся щелчок автоматического замка, что запер афонию дверь. В завершение я услышал быстрые шаги Афони по лестничной клетке.

Через минуту в квартире Самуилыча начался ор. Самуилыч орал на Афонию, Афоня орал на Самуилыча. Затем грохнул выстрел. Как бы мне ни хотелось написать по-книжному, по-детективному, а звук, что донёсся из квартиры Самуилыча, не походил на хлопок, что издаёт упавшая книга. Да и новогодняя хлопушка хлопает куда тише. Такой тугой и мощный “бабах” издаёт только нечто огнестрельное, имеющее как минимум ствол и патрон с зарядом.

Я посмотрел на часы. Будильник показывал тридцать две минуты десятого.

В тридцать две минуты и десять секунд я уже запер свою дверь на верхний замок. Вспомыхах о нижнем замке не подумал, да и верхний закрыл только на один оборот ключа вместо привычных трёх.

Пока я бежал по лестнице на второй этаж, пока перепрыгивал через три ступеньки, я слышал, как Афоня орал Самуилычу: “Ещё раз – и я тебя, урода, пристрелю!”. Причём в начало, конец, и середину фразы Афоня умудрился вставить по дюжине матов.

*

*

Картина, что развернулась передо мной, когда я распахнул дверь Самуилыча, сразила наповал.

В коридоре вполоборота ко мне Афоня с ружьём на изготовку и взглядом бешеной селёдки держал на прицеле Самуилыча. Владелец ружья – Самуилыч – стоял в двух шагах от Афони. Под глазом Самуилыча красовался синячище. Самуилыч стоял с выпяченной грудью и с головой, задранной подбородком кверху в стиле синьора Муссолини. Вид Самуилыча вопил: “Стреляй, гад! Что, струхнул?”. Самуилыч разве что не рвал на груди тельняшку.

Афоня отлепил взгляд от Самуилыча, перевёл на меня. Безумные глаза Афони да взгляд бешеной селёдки говорили, что Самуилыч Афонию до белого каления таки довёл.

Я сварганил серьёзное лицо, потому как понял, что ещё миг – и расхохочусь. Афоня и Самуилыч в качестве противников не смотрелись аж до коликов в животе.

Афоня – здоровенный амбал тридцати лет от роду, два метра ростом, косая сажень в плечах, и кулачище размером с трёхлитровую бутылку. Самуилыч – щупленький старикашка ростом в полтора метра, начал считать восьмой десяток, но бодрячок такой, то даст фору иному полсталетнему.

Малыш Самуилыч, причём безоружный, всем своим героическим видом вызывал на смертный бой громилу Афонию, у которого в руках ружьё.

Я предположил, что Самуилыч схватку с Афоней проиграет всухую. Потому я решил, что если не вмешаюсь, то Самуилычу жить долго не придётся.

Я попросил Афонию отдать ружьё мне. Афоня отказался. В выражениях Афоня не стеснялся. Я просьбу повторил. Афоня повторил отказ. Чтобы придать словам весомости, Афоня пальнул в потолок. Заряд дроби рикошетом отлетел от потолка, отразился от стены, застучал по полу коридора дробинками. Затем Афоня направил ствол на меня.

Мне очень-очень захотелось жить.

Мой взгляд привлекла выбоина в штукатурке потолка, что осталась после выстрела Афони. Рядом с выбоиной, что появилась при мне, я заметил ещё одну. Я сложил один и один, получил два. Два ствола, два выстрела. Я решил, что в ружье остались только пустые гильзы.

Я улыбнулся той улыбкой, которую дарят дураку.

– Афоня, положи ружьё на пол. И пошёл отсюда к монахам! Захотел на нары?

– Что ты сказал?! Ян, мне показалось, или ты меня послал?

– Афоня, я не посмотрю, что ты такой здоровый. Дам промеж глаз, и считать звёздочки забодаешься.

– Много тексту.

Нашу милую беседу я передал не дословно. Как бы я каждое слово упомянул? Чай память у меня не резиновая.

Когда говорильня закончилась, Афоня сжал ружьё так, что кожей ладоней скрипнул по полированному прикладу. Афоня пошёл на меня.

Я позволил Афоне послать приклад навстречу моему носу. Затем я Афонию стукнул. Афоня упал на колени, принялся хватать ртом воздух. Афонины пальцы разжались. Ружьё грохнулось на пол. Самуилыч подобрал ружьё, матернулся, начал чихвостить Афонию. Я взглядом приказал Самуилычу заткнуться.

Афоня очухался, поднялся, посмотрел на меня.

– Ян, ты меня чуть не...

– В следующий раз прибью, не сомневайся. Иди.

Афоня сплюнул под ноги, прошёл мимо меня, на пороге остановился, матернул Самуилыча, затем хлопнул дверью так, что отлетел наличник. Самуилыч послал Афоне вдогонку матерную тираду длиной в полминуты.

Когда Самуилыч материться закончил, я посоветовал спрятать ружьё в сейф. Самуилыч сказал, что пока стволы не выдраит да не смажет, ружьё в сейф не покладёт. Я заметил, что в

следующий раз меня может рядом не оказаться, тогда Афоня может пальнуть не в потолок, а в живот Самуилыча. Потому будет лучше, если Самуилыч пугать Афоню ружьём перестанет.

Самуилыч матернулся.

– Ян, это мне решать, кого и чем пугать!

– Может, отдадите ружьё мне? Полежит у меня, пока у вас обоих нервишки шалить не перестанут.

Самуилыч перешёл на крик.

– Ян! Ты думай, что говоришь! А если этот козёл придёт опять? Чем мне защищаться, а?!

– Только не надо брать меня на глотку. Будете орать когда уйду. Вопите в своё удовольствие, чешите гландами зубы.

– Ладно, сорвался. Ну ты ж понимаешь...

– А если вы Афоню убьёте? Если вместо защиты...

Самуилыч тряхнул головой.

– Ну и ладно! Значит, так тому и быть. Наверное, этого козла я когда-нибудь таки пристрелю. Мне терять нечего. Я своё уже отжил. А если этот урод подохнет, то людям будет жить полегче, а?

Самуилыч притащил из комнаты патронташ, зарядил ружьё. Пока заряжал, бубнил: “Дробь я ему, уроду, заряджу покрупнее”. Ружьё Самуилыч повесил на вешалку в коридоре. Под панамкой, над сандалиями, рядом с летней рубашкой ружьё смотрелось как нельзя к месту.

Самуилыч посмотрел на меня.

– Вот так, Ян. Пусть этот козёл только сунется, так у меня теперь ружьё наготове. Я теперь не дурак, открывать дверь без ружья не стану. Застрелю к монахам.

– Вы же хотели ружьё смазать и спрятать в сейф.

– Смажу завтра, когда этот петух успокоится.

Я улыбнулся, подумал: “Что взять с дурака?”, потопал вон. Своё дело я сделал, добрососедскую потасовку-перепалку прекратил.

*

*

Я спустился на первый этаж, постоял на площадке, посмотрел на дверь Афони, подумал, надо ли спросить Афоню о том, по какому поводу стреляли. Лезть к Афоне с расспросами я так и не надумал, пошёл к себе.

Отечественные замки на моей стальной двери открываются с лязгом гаубичных затворов. Потому я не удивился, что мой сосед услышал, как я вернулся домой.

Не успел я отгрохотать замком, как дверь соседней квартиры отворилась, и на площадку выглянул Афоня.

Афонин взгляд бешеной селёдки чуть поубавил сочности, но всё ещё остался. Так бывает у тех, кто заводится за секунду, а останавливается через день. И ещё Афоня выглядел чуток виноватым.

Афоня посмотрел на меня, перевёл взгляд на пол.

– Ян, зайди. Есть дело.

Я закрыл свою дверь, прошёл к Афоне.

Афоня провёл меня на кухню, засуетился возле холодильника. Через минуту на столе расцвела поляна из нарезки, огурчиков, помидорчиков, грибочков, и, само собой, водки.

Афоня открыл бутылку, наполнил рюмку. Когда потянулся бутылкой ко второй рюмке, я покачал головой.

– Афоня, я не пью.

– Да ну?! Больной, что ли?

– Больным будешь ты, когда допьёшься. Лей себе.

Афоня поставил бутылку на стол, посмотрел на наполненную до краёв рюмку, сглотнул.

- Ян, я ж не алкаш. Я один не пью.
- Вот и хорошо. Здоровее будешь. Зачем звал?
- Ну так это... Хотел извиниться. Не знаю, что мне стукнуло в башку...
- Проехали. Всё обошлось, все живы. Ты на меня покати бочку, я тебя стукнул. Мы квиты.
- Мда... Что мне с ним делать, Ян? Этот урод меня когда-нибудь достанет по-взрослому.
- Продай квартиру. Другого тут не дано.
- Из-за какого-то козлина съезжать из классного двора? Да я искал такой двор пять лет!

А теперь...

Афоня цветистыми матами расписал картину “Вот в какие нервы мне вылилось проживание под квартирой Самуилыча”. Под конец монолога Афоня сказал, что нервы уже закончились.

Я сказал, что Афоне лучше бы держать свои срывы под контролем. Самуилычу терять так много, что раз два и обчёлся. Как бы в следующий раз старик не пальнул Афоне в лоб.

Вместо того чтобы подумать о будущем, Афоня решил прояснить мне свой взгляд на недавнее прошлое.

Афоня вкратце рассказал про собачье дерьмо на балконных стёклах.

К слову сказать, у Самуилыча жил охотничий пёс, по возрасту чуть младше Самуилыча. Кликуху собаченция носила знатную – Туз. Пёсик был весь в хозяина: такой же вредный. Целыми днями скрёб пол и лаял на каждую муху. Даже я иногда заезжал мозгами от постоянного лая и скрежета, при этом моя квартира не под Самуилычем, а по диагонали, то есть мне легче. Я даже не хотел представлять, как раздражает пёсик Афону.

Туз скрёб пол и лаял. Лаял и скрёб пол. И так зачастую с утра до вечера. Вдобавок пёсик гадил прямо на пол. Самуилыч выводил пса во двор по расписанию, а Туз гадил в доме когда хотелось. Самуилыч собачье дерьмо собирал на газетку, и сбрасывал дерьмо-газетный подарок с балкона, метя в оконную решётку Афони. Самуилыч – малый меткий: газетка падала точненько на решётку Афони. И прилипала. Связующим звеном между стальной решёткой и газетой выступало дерьмо. Добрососедский жест Самуилыча Афоня оценивал диким ором с балкона. В ответ Самуилыч палил из ружья.

В общем, когда в шесть вечера Самуилыч выбросил рыбью требуху, и та повисла на решётке Афони, то Афоня только поматерился, но таки стерпел. Да и побоялся. Как-никак в ответ на афонины недовольства Самуилыч пальнул дуплетом. Но когда в половине десятого Самуилыч выбросил с балкона собачье дерьмо... и оно размазалось по всей решётке, да заодно отразилось от прутьев решётки и заляпало пол-окна... Тогда афонино терпение лопнуло.

Афоня указал на балконное окно, предложил мне взглянуть и оценить моральный ущерб, который Афоне нанёс Самуилыч. Рассматривать окно полчаса мне не пришлось. Хоть на улице уже и хозяйничали густые сумерки, я без труда разглядел изгаженное стекло и ошметки дерьма на прутьях решётки.

Со слов Афони, “дерьмо по окну стекало, как... ну как дерьмо, как что же ещё, мать бы его, старого урода!”. Затем Афоня с минуту матерился. Когда успокоился, сказал, что только-только вымыл окна и решётку от рыбьей требухи, как через час на решётку и стекло налипло собачье дерьмо.

Я подумал, что у бедного Афони три часа уже пошли за час. Ведь с момента шестичасовых выстрелов по поводу рыбьей требухи прошло три с половиной часа. Для несчастного Афони три часа без подлянок Самуилыча пролетели как один.

Когда Афоня поужинал, а Самуилыч в качестве “Приятного аппетита!” изгадил Афоне стекло, терпение у Афони лопнуло: он решил научить Самуилыча уму-разуму.

Если Афоне верить, то Афоня поднялся к Самуилычу и в вежливых выражениях попросил впредь выбрасывать собачье дерьмо в унитаз. Насчёт вежливых выражений я не поверил.

Ну да бог с ним, с моим неверием. Важнее то, что на афонину просьбу Самуилыч заявил: “Оно земле полезно. Кидал и кидать буду. А ты, сопляк, мне не указ!”. Тогда Афоня и зарядил Самуилычу в глаз.

Самуилыч не растерялся, метнулся к оружейному сейфу. Афоня подождал, пока Самуилыч ружьё зарядит, да и треснул старика по лбу. Самуилыч свалился, ружьё выронил. Афоня ружьё подобрал, пальнул в потолок: мол, вставай, старый хрыч, хорош прикидываться!

Когда Самуилыч поднялся, Афоня хотел было поставить старика под ствол да взять с вредного соседа слово чести, мол, никогда-никогда чтоб больше не пакостил, да тут явился я, герой-спасатель, и всю малину Афоне испоганил.

Под конец исповеди Афоня спросил, считаю ли я до сих пор виновным в потасовке-перепалке Афоню, и имел ли я моральное право разнимать бойцов на самом интересном месте.

Я сказал, что Самуилыч, конечно, не подарок, но баловство с ружьём всегда заканчивается трупом. Что бы там Афоня ни говорил о моральном праве, а хвататься за пушку – дело последнее. Если Самуилыч и дурак, раз полез за стволом, то это не значит, что Афоня ангелочек, раз инициативу перехватил. Надо было не давать старику в глаз. Кто первым руки распустил, тот и виновен.

Афоня меня выслушал, опустил голову, пробурчал: “Поди тут разберись!”.

Затем Афоня встрепенулся, вышел на балкон, сказал, что если ещё раз увидит на своих стёклах дерьмо... Дальше шло перечисление всяческих видов умерщвления, из которых “привяжу за шею и уроню с балкона” выглядело детской шалостью.

Когда стоял на балконе, Афоня обращался вроде бы и ко мне, но так, чтобы услышал и Самуилыч. Перестарался. На мой взгляд, Афонины угрозы слышал весь двор. Афонин зычный голос да в вечерней-то тишине...

После гневной тирады Афоня вернулся в кухню, и таки выпил ту рюмку, что налил, да запил ещё одной. Закусил грибочком, посмотрел на меня.

– Ян, я тебя выслушал. Ты говоришь, что виноват я. А я считаю, что тот старый урод. В общем так: если ещё раз старый козёл будет меня своей пушкой пугать, то я его, падлу, его же пушкой и замочу. Будет как самооборона.

Афоня говорил чуть потише мегафона на первомайском параде. Я решил, что речь предназначалась опять не мне, а Самуилычу, который мог стоять на балконе и в вечерней тишине слышать каждое слово Афони.

На мой вопрос: “Как с трупом на руках будешь жить?” – Афоня не ответил.

Я встал.

– Мне пора в душ. Я с вами, бойцовские вы орлы, аж вспотел.

– Ян, так ты это... На меня не злись, ладно?

– Проехали. Причём давно. Мы же соседи. Ты только с пушками больше не балуйся, ладушки?

Афоня изваял неопределённый жест, который можно было расценить и как “Хорош поучать-то!”, и как “Виноват, учту”. Я выбрал последнее.

Я двинулся к выходу. Афоня меня провёл, на прощание ещё раз извинился.

Дома я без промедления влез в душ. Когда в квартире Самуилыча Афоня пошёл на меня с ружьём наперевес, по моему позвоночнику сошла лавина холодного пота. Следы животного страха пришло время смыть.

Я открыл воду на полную. На показания водомера и разбойничьи расценки “Горводоканала” на куб воды мне не наплевать, вовсе нет. Но и душ, больше похожий на весеннюю капель вместо того, чтобы мощными струями воды напоминать душ Шарко, меня не радует.

Пока душ массирует мне плечи, я разминал память: ни с того ни с сего в голову полезли подянки Самуилыча, за каждую из которых можно схлопотать не только в глаз.

*

*

За те десять минут, что я проторчал в ванной, я вспомнил лишь малую толику того, за что двор желал Самуилычу всего наихудшего. Если Самуилыч умудрился настроить против себя весь двор, то что уж говорить о несчастном Афоне, которого угораздило жить под Самуилычем, этим исчадием ада дворового масштаба. Не мудрено, что Афоня взъелся на Самуилыча до такой степени, что докатился до рукоприкладства.

Итак, за что Афоня взъелся на Самуилыча? Тут двумя словами не ответишь.

Афоня в мой дом въехал в марте, а уже к июню общался с Самуилычем только на ножах. Оно и понятно, ведь фразами “Убью, урод!”, “Замочу падлу!”, “Чтоб ты сдох!” и им подобными Афоня разговаривал с Самуилычем не первый. Те, кто жил в квартире номер три до Афони, потому и съехали, что лишь идиот сможет жить под такими орлами как Самуилыч и его внучок.

Когда Афоня квартиру номер три ещё только смотрел с маклером, я не поленился, вышел, да Афоне рассказал, что Самуилыч не из тех, кого называют подарком. Я Афоне открытым текстом вдалбливал: покупай не дом, а соседа, особенно того, что сверху. Афоня тогда отмахнулся, сказал: “Строил и не таких!”. На моё возражение, мол, построить человека с ружьём не так-то просто, Афоня лишь улыбнулся.

Откуда у Самуилыча ружьё? Наш Самуилыч слыл охотником. Похвалялся: мол, белке в глаз, и всё такое. Только где наш снайпер в окрестных лесах находил белку, не знаю. Хорошо бы хоть одного завалящего кролика встретить, да и тот наверняка сбежал с ближайшей фермы. Ну да ладно, бог с ней, с белкой. Тем более что Самуилыча я чаще видел с удочками да карасями.

Словом, у Самуилыча имелось ружьишко. Ствол законный, зарегистрирован, всё чинчинарём. Вот из него-то Самуилыч и постреливал в небо, когда ему казалось, что Афоня со своими дебильными требованиями перегибает палку. Стрелял Самуилыч для остротки: мол, если не уgomонишься, то я тебе когда-нибудь дырок в животе-то понаделаю, вредный соседка.

Афоня обещал Самуилыча убить, размазать по стенке, уложить под трамвай, уронить с балкона, и ещё много чего обещал Афоня. Чего не наговоришь в сердцах. После первого выстрела самуилычевой двустволки Афоня ещё продолжал бузить, орать, обещать. Второй выстрел Афоню успокаивал. После второго выстрела озвучивать требования Самуилычу Афоня прекращал, взамен начинал материться на балконе вполголоса.

Чего от Самуилыча требовал Афоня? Самую малость. Чтоб Афоне угодить, Самуилычу пришлось бы перестроить весь уклад своей жизни. Понятно, что такое под силу лишь редким подвижникам-альтруистам, а не рядовым самуилычам.

Как Самуилыч мог вот так, вдруг, в излюбленных занятиях себе отказать? К примеру, как Самуилыч смог бы не выбрасывать остатки борща с балкона? Капуста из борща повисла на балконной решётке Афони? Так это проблема Афони, не Самуилыча. Нечего покупать такую решётку, за которую цепляются объедки. А если так уж хочется решётку только такую и никакую другую, то нечего жить под Самуилычем.

Борщ на решётке Афони в сравнении с остальными заскоками Самуилыча смотрелся сушей ерундой.

Самуилыч считал своим долгом в четыре утра развести под домом костерок, да сжечь весь тот мусор, что рассыпал ночной мусоровоз, когда опрокидывал контейнер в кузов. Афоня от дыма задыхается, не может спать? Так что, из-за этого недотроги Самуилыч должен целый день смотреть, как ветер гоняет по двору бумажки да пакеты?

Да и чем же ещё заняться Самуилычу на заслуженной пенсии, как не подогнать под дом автомобилюс, в далёкие семидесятые сработанный в славном Запорожье, да не начать греть мотор? Глушитель пробитый, грохот от выхлопа такой, что даст фору взлетающему вертолёту? Так на то он и мотор, чтобы дырчать. А кому звук из выхлопной трубы не нравился, Самуилыч

врубал в авто радиоприёмник на полную. Ладно бы днём, а то ведь в три утра, когда отчаливал на рыбалку.

Дым, что по полчаса валил из выхлопной трубы автомобилюса Самуилыча, травил не только Афону. Да, Афоне перепадало больше других, потому как Самуилыч не прогревал движок раньше, чем прицелится выхлопной трубой в балкон Афони. Но дышать было нечем не одному Афоне. Все, кому посчастливилось жить на первом-втором этаже, вонь горелого моторного масла нюхали в принудительном порядке. А уж когда наступала осень, и Самуилыч принимался жечь опавшую листву... Я тоже посылал Самуилычу проклятья, каюсь.

Железный гараж, полученный за невесту какие заслуги перед партией, Самуилыч сдавал. Какая-никакая, а к пенсии прибавка. “Запорожец” Самуилыча хранился под окнами Афони. Однажды Афоня не выдержал, да задул выхлопную трубу автомобилюса монтажной пеной. Задувал глубокой ночью, чтоб не засекли соседи. Мне в ту ночь не спалось. Сидел на балконе. Самуилыч выковыривал пену полдня. Матерился на весь двор. Афоня весь тот день светился от счастья как пацан, которому купили первый велик.

Ко всему прочему Самуилыч жил не один. С Самуилычем жил внучок. Вадик. Не пойму, почему Минздрав до сих пор не запретил таких вадиков рожать? Или хотя бы выделяли таким орлам жилье в горах да в пустынях, чтобы народ о них слухом не слыхивал.

Вадик включал музон, где только “бум-бум-бум” и дюжина припевов, выставлял колонки в окно, выкручивал громкость на полную, а сам шёл пылесосить. Каково, а?

Подвигов во вред двору и соседям Вадик совершил не меньше чем Самуилыч. Оно и понятно. Нормального родительского воспитания Вадик не получил, потому как папаша Вадика – сын Самуилыча – склеил ласты от водки, мамаша откинула копыта от шприца с передозом. Оба родителя отправились в мир иной, когда Вадик стукнуло три. А вскорости из бабушек-дедушек у Вадика остался один Самуилыч. Потому Вадик с Самуилычем жил с раннего детства, а с кем поведёшься...

Как таких соседей любить? Ладно, с Вадика спрос был невелик, потому как пацану только-только стукнуло восемнадцать. А вот Самуилыч виделся мне и всему двору злодеем матёрым. А уж кем виделся Самуилыч Афоне, лучше умолчу.

В той или иной форме Афоня обещал Самуилыча лишить жизни чуть не через день. Об угрозах Афони знал весь дом. Да что там дом! Афонины угрозы слышал весь двор.

Поначалу двор будоражило каждое афонино выступление. Ещё бы! Такие стоэтажные маты, такие изощрённые пожелания скорейшей смерти услышишь не каждый день. Затем народ привык. Даже научился извлекать из афониных концертов пользу: учился ругаться с витиеватостями да ажурностями, на которые Афоня мастак. Уже через пару месяцев дворовые алкоголики матерились на качественно более высоком уровне.

Когда воспоминания полились рекой, я закрыл на смесителе кран. Имитация душа Шарко закончилась, а вместе с ней потускнели мемуары. Через миг я отогнал думы о Самуилыче и Афоне, послал похвалу своему умению управлять мыслями, потянулся за полотенцем.

Сверху донёсся вой. Я прислушался. Думал, что показалось. Вой повторился. Я решил, что или у меня со слухом проблемы, или выл Туз, охотничий пёс Самуилыча. Мне стало жутковато. Где-то я слышал, что когда собака воет, то это к покойнику.

Туз повыл с полминуты, умолк. Я таки дотянулся до полотенца, вытерся. Пока натягивал трусы, и не заметил, как мыслями вновь очутился рядом с Самуилычем, Афоней, ружьём, да воющим Тузом в придачу.

Я глянул на часы, отнял пару минут на последушевое вытирание-одевание, получил время, когда завыл Туз: пять минут одиннадцатого. Когда происходит нечто из ряда вон, я смотрю на часы. Рефлекс.

Десять минут спустя я расправился со снотворным – стаканом молока с мёдом. Заснуть в дикую жару, что стояла в те дни, без снотворного я не мог. Ворочаться с боку на бок до полуночи мне, жаворонку, не улыбается.

Не успел я завалиться на боковую, как затрезвонил телефон. Я снял трубку. Звонил Вадик, внук Самуилыча.

Вадик попросил проведать деда, потому как дед на звонки не отвечает. Вадик звонил деду три раза, и держал трубку по пятнадцать гудков.

Голос Вадика я бы назвал взволнованным.

– Ян, я, конечно, понимаю, что уже поздно, и вы, наверное, уже собирались спать, но я сейчас далековато, приехать сразу не смогу. Может, деду плохо? Он ведь сегодня опять перенервничал с этим Афоней. Слышали, как дед стрелял часов в шесть?

– Слышал. Но прошло уже четыре часа. Уже мог бы и успокоиться. Может, дед спит? Почти половина одиннадцатого. Дед ложится рано?

– Обычно он если и ложится, то ещё час не спит. Сейчас по ночам такая духота... Так что должен бы трубку взять. Я могу приехать, но особенно не хочется. У нас тут весело. Ну, пожалуйста, Ян. Вам же до деда всего два шага.

– Ладно, веселись. Я посмотрю.

Слушать благодарности Вадика я не стал, повесил трубку.

Вадик звонил мне и раньше. Звонки тех, кто волнуется за престарелых родственников, мне не в диковинку. Как-то пару раз звонили даже среди ночи. Всем старикам, что живут в моём подъезде, я как нянька. Родня старичков да старушек думает, что раз я не работаю на заводе с восьми до пяти, а сижу дома, то времени у меня завалилось, и я могу смотаться на девятый этаж проведать бабульку, а то не отвечает на звонки. Сгоняй, Ян, глянь. Может, с бабушкой чего случилось?

Я натянул штаны, футболку, тапки, потопал к Самуилычу. Пока я шаркал шлёпанцами по ступенькам, в голове вертелись вой Туза и народная примета “Собака воеет к покойнику”.

*

*

Лестничная клетка второго этажа освещалась сорокаваттной лампочкой с первого. Жаловаться грех, ведь в других домах подъездные лампочки не всегда доживают и до второй ночи.

В полутьме я с трудом нашёл-нащупал возле двери Самуилыча кнопку дверного звонка, прижал пальцем. Изнутри квартиры донёслась трель звонка. Кроме трели я услышал ноль звуков. Ни шарканья домашних тапочек, ни “Кто там?”.

Я постучал в дверь пальцами. В ответ послушал тишину. Я постучал кулаком. Тишина. Я взялся за ручку, нажал. Ручка опустилась, замок скрипнул. Дверь подалась ко мне, сквозь щель вырвался свет, прочертил белую полосу на чёрном полу, прямо как во второсортных ужастиках.

Во входных дверях Самуилыча замок стоял простой, не автомат, без защёлки. Проверни ручку и входи. Если бы Самуилыч выскочил выбросить мусор в мусоропровод, и при этом дверь в квартиру оставил приоткрытой, то мог не опасаться, что сквозняк захлопнет дверь и оставит хозяина квартиры на лестничной клетке без ключей.

Я подумал как герой третьесортного детектива: почему Самуилыч на ночь глядя оставил дверь открытой, не запертой на замок?

Когда я занёс ногу над порогом, откуда ни возьмись вынырнул охотничий помощник по кличке Туз, прошмыгнул между моей ногой и дверным косяком, дал дёру. Только пятки и засверкали.

Я перевёл дух. Своим неожиданным появлением и ещё более стремительным исчезновением Туз меня чуток напугал. А кое-кто говорит, что я не робкого десятка.

Затем я порог таки переступил. Затем увидел Самуилыча. Хотя я и не семи пядей во лбу, а с первого взгляда понял, что Самуилыч отправился к праотцам.

Самуилыч лежал в коридоре, возле туалета. На животе. В старом махровом банном халате. С дырищей в спине напротив сердца. Рядом со стариком лежала двустволка, из которой Самуилыч стрелял в воздух, Афоня лупил по потолку, а кто-то пальнул дуплетом Самуилычу в спину.

С какой стати я уверовал именно в дуплет, а не допустил смерть Самуилыча от выстрела одиночного? Потому как такую дырищу, что зияла в спине Самуилыча, один заряд не проделает. Разве что боеприпасы из обеднённого урана очередной Кулибин приспособил для стрельбы из двустволки.

Предполагать, что Самуилыч всё ещё жив, и ему нужна срочная помощь, я счёл глупостью. С такими дырами не выживают.

По привычке я засёк время, когда обнаружил труп. В записной книжке мобильного я записал: «Труп Самуилыча. 22.25».

Не знаю почему, а я подумал, что в то время, когда впервые завыл Туз, Самуилыч нас уже покинул.

Я набрал номер. Ответа дождался через семь гудков.

– Ян, я занят, перезвони.

– Юсуп, у меня тут труп. В груди дыра. Рядом ружьишко. Когда перезвонить-то?

– Куда ехать?

– Ко мне.

– Ты уже далеко не ходишь? Мочишь народ дома?

– Стараюсь.

– Буду через десять минут. Я тут рядом. Жди и...

– Всех впусти, никого не выпущу.

– Соображаешь.

– Учусь помаленьку. Кстати, я тебя жду в квартире номер семь. Это в моём подъезде на втором этаже слева.

– Лады.

– И захвати психолога для пацана восемнадцати лет.

Юсуп повесил трубку.

Я позвонил внуку Самуилыча, Вадик. Сказал, что Самуилыч умер. Вадик сказал, что приедет. Голос у Вадика дрожал.

В туалете щёлкнуло реле бойлера. В тот же миг напряжение в сети самуилычевой квартиры упало, отчего свет коридорной лампочки чуть потускнел. Я посмотрел на лампочку, подумал, что свет в коридоре горел наверняка и в момент убийства Самуилыча.

Сперва я задался вопросом, почему убийца не побоялся, что его заметят и запомнят любители разглядывать в бинокль то, что делается в окнах напротив.

Я подошёл к трупу, повертел головой по сторонам. В пределах прямой видимости мой взгляд в окна не упёрся. Мои надежды на то, что кто-то из дома напротив мог убийцу видеть, растаяли. Коридор Самуилыча из окон не просмотришь. Всё, что делалось в коридоре, оставалось тайной за семью печатями.

Я оставил в памяти зарубку: убийца мог знать, что коридор из окон не просматривается, а значит, в квартире Самуилыча убийца мог бывать. Другими словами, убийца мог быть из числа знакомых Самуилыча. Если, конечно, с планировкой квартиры Самуилыча убийца не знаком по другой, куда более прозаичной причине. Таких квартир, как у Самуилыча, у нас полрайона. О том, что для соседей с биноклями коридор Самуилыча – это мёртвая зона, могла знать не одна сотня человек, Самуилычу не знакомых. Потому искать убийцу только в числе входящих в дом Самуилыча было бы верхом дурачества.

С другой стороны, Самуилыч вряд ли держал входную дверь открытой. На ночь глядя, да в наше-то смутное время, и не запереть дверь на ключ... учудить такое мог только идиот, а Самуилыча я идиотом не считал. Если не запереть дверь Самуилыча на ключ, то заходи кто хочет. Замок-то не автомат, без защёлки. Нажми на ручку, и входи всяк кому не лень.

Если Самуилыч запер дверь на ключ, то как убийца вошёл в квартиру без монтировки или заряда динамита?

Я осмотрел дверь. С внутренней стороны двери в замке торчал ключ. Следов взлома я не нашёл. Вывод напрашивается один: убийцу впустил Самуилыч. В противном случае убийца открыл замок отмычкой, а после убийства вставил ключ в замок с внутренней стороны: мол, меня впустил Самуилыч, так что ищите меня среди друзей-знакомых покойного.

Я смотался к себе, взял пару одноразовых перчаток, вернулся в квартиру Самуилыча, натянул перчатки на руки.

Беглый осмотр ружья, что лежало рядом с трупом, дал всего ничего: в стволах пустые гильзы, а отпечатки пальцев проверять по базе данных мне не дозволено.

Осмотр трупа дал больше. Самуилыч умер не за секунду до моего прихода, а как минимум за полчаса. Некто пальнул в спину Самуилычу примерно в то время, когда я плескался в ванной под имитацией душа Шарко. Другими словами, Самуилыч умер незадолго до или сразу после того, как я ушёл от Афони.

На халате Самуилыча возле дырищи, которую правильнее было бы назвать входным отверстием пули или заряда дроби, я не нашёл ни копоты, ни впившихся в ткань порошинок. Столь чистые входные отверстия бывают, когда стреляют сквозь прокладку вроде подушки или одеяла.

Вдобавок прокладка глушит грохот выстрела. Тот выстрел, что выдал Афоня в половине десятого, в момент потасовки-перепалки с Самуилычем, я слышал. Те два выстрела, которые успокоили Самуилыча навеки, прошли мимо моих ушей. Правда, я десять минут плескался под душем, потому выстрелов мог и не услышать, даже если бы убийца глушителем не пользовался.

Перьев от подушки-глушителя, разорванной выстрелом, рядом с трупом я не нашёл. Зато я вспомнил, что Самуилыч пришёл с рыбалки, потому как чистил рыбу и выбрасывал требуху Афоне на решётку.

Если Самуилыч пришёл с рыбалки, то наверняка принял душ. Я выглянул на балкон. На балконной бельевой верёвке полотенце не заметил. Я заглянул в ванную. На крючке над ванной висело банное полотенце. Возле умывальника, на полотенцесушителе, висело полотенце для рук, больше похожее на застиранную тряпку. В барабане стиралки я нашёл пустоту. Корзины с грязным бельём не нашёл.

Вопрос “Неужели Самуилыч с Вадиком после купания вытираются одним полотенцем?” я отложил до встречи с Вадиком. Допускать, что убийца использовал банное полотенце в качестве глушителя, я мог не раньше, чем Вадик сказал бы, что полотенце пропало. До тех пор я решил о полотенце-глушителе не думать.

Поиск полотенца сам собой перешёл в осмотр квартиры Самуилыча, или, если умничать, то в осмотр места преступления.

В ходе осмотра я сфотографировал на мобильник всё, до чего дотянулся взглядом.

Когда осматривал балкон, возникло чувство из серии “чего-то не хватает”. Такое чувство появляется, когда смотришь на зебру без полосок и не можешь понять: или чего-то не хватает, или перед тобой белая лошадь.

Я осмотрел балкон трижды, сфотографировал каждый уголок, а чувство нехватки чего-то важного так меня и не покинуло. На балконе и смотреть-то, по большому счёту, можно было только на бельевую верёвку да на обшарпанный шкафчик.

На верёвке висели семейные трусы Самуилыча из пуленепробиваемого сатина и рыбацкий садок из капроновой сетки. В шкафчике Самуилыч хранил молотки, ножовку, гвозди, и

тому подобную дребедень, без которой хозяйственному мужику никуда. Казалось бы, что надо ещё? Ведь всё, как и на сотнях других балконов. И тем не менее мысль “чего-то не хватает” выбираться из головы отказалась наотрез. Пришлось для капризной мыслишки выделить в памяти отдельную полку.

Я перебрался на кухню.

В мойке гора грязной посуды подпирала носик смесителя. Слой пыли на холодильнике чуть-чуть не доходил до толщины пальца. Из переполненного мусорного ведра свисали края газеты, выпачканной в рыбьей крови, на газете пировали мухи. В общем, обычная кухня, где хозяйничают только мужики.

На кухонном столе, возле розетки, лежал простецкий мобильник размером с галошу, подключенный к зарядному. Я сходу дал мобильнику сто лет от роду, и решил, что с зарядки мобильник наверняка не снимался всю последнюю пятилетку, торчал на вечной привязи возле кухонной розетки, играл роль проводного стационарного телефона. Я решил, что нашёл мобильник Самуилыча.

Мобильник оказался запароленным. Я ввёл народный пароль: четыре единицы. Сработало. В мобильнике я нашёл три пропущенных вызова от абонента с именем Глеб. Глеб звонил три раза подряд. Первый вызов от Глеба поступил на мобильник Самуилыча в двадцать минут одиннадцатого. Кто такой Глеб, и почему звонил Самуилычу примерно в то время, когда Самуилычу должен был звонить внук Вадик, я решил спросить у Вадика.

Ванная, туалет, коридор страшных семейных секретов не таили. Фотографий убийцы и видеозаписей убийства я не нашёл ни в ванной, ни в туалете. На двери шкафа, что стоял в коридоре, висело большое зеркало. В такое можно увидеть себя от колен до макушки. Говорят, что зеркало информацию запоминает. Врут. Как я ни старался, а разглядеть в зеркале убийцу не смог. Видел только бестолкового типа, что пялился в зеркало и пытался увидеть не себя.

В комнате интерес для следствия представлял лишь сейф, где Самуилыч хранил ружьё и боеприпасы. На сейфе висел амбарный замок. Я так и не понял, что Самуилыч прятал в сейфе под замком, если заряженное крупной дробью “на Афоню” ружьё повесил на крючок вешалки, что в коридоре.

На письменном столе я нашёл мобильник ценой баксов в двести. Я порылся в памяти трубки, нашёл порнуху, альбом рэпа, да папку с видеоприколами. Я решил, что мобильник с таким содержимым наверняка принадлежал Вадiku.

Сперва я подумал, что батарея почти разряжена, потому Вадик и оставил мобильник дома. Когда я взглянул на индикатор зарядки и увидел, что зарядки полно, я подумал, что Вадик трубку попросту забыл. Как современный пацан восемнадцати лет мог забыть мобильник дома? Как же без мобильного-то? Это ж нынче чуть не сродни трагедии.

Причины, по которым Вадик мог оставить мобильник дома, я мог искать до утра. Думать о чепухе часами я умею, я такой. Причём лёгких путей не ищу, нахожу тропки покривее. Хорошо, что до меня вовремя дошла простая мысль: трубок у Вадика могло быть две, вот одну он и оставил дома.

Пока осматривал квартиру Самуилыча, я не забывал фотографировать. Снимал всё подряд по принципу “лишняя фотка не помешает”. В таких случаях лучше перестараться, чем позже кусать локти из-за того, что не можешь вспомнить, чем убийца тюкнул жертву: томагавком или ледорубом. А то ведь сразу и не поймёшь, кого подозревать первым: индейца или альпиниста. Или индейца-альпиниста... Когда есть снимки, то память освежать проще.

В конце осмотра-фотосессии в памяти моего мобильного появилось почти три сотни новых фотографий. Чтобы мало не показалось, я сфотографировал ещё и ключ Самуилыча, что торчал в замке входной двери. С тех пор, как написали программу “Ключ”, и начали продавать её вместе со станком для изготовления ключей, я слепки с ключей не снимаю. Достаточно ключи сфотографировать.

Разве можно облегчить жизнь домошникам больше, чем это сделала программа “Ключ”? Теперь ключ можно сфотографировать, и прога по снимку составит чертёж, по которому станок выточит ключ за три минуты. Теперь надо следить, чтобы ключ не болтался на виду без чехла, чтобы лихие люди не сфотографировали.

Зачем мне понадобились дубликаты ключей от квартиры Самуилыча? На тот момент я решил обзавестись дубликатами на всякий пожарный. Мало ли что. Вдруг понадобится в квартиру зайти, а хозяина не застану. Законного в этом мало, согласен. Но если сыщик будет следовать каждой букве закона, то половина злодеев будет гулять на свободе. Как нарушения закона соотносятся с моральным кодексом борца за законность, я не знаю. Я над этим работаю.

*

*

Приехал Юсуп. Привёз с собой понятых, доктора, спецов, парня с овчаркой. Безо всяких перекуров и получасовых размышлений на тему “С чего начать?” каждый из группы Юсупа занялся делом.

После минутного осмотра трупа врач назвал точное время смерти: “минут сорок назад плюс-минус полчаса”. Я поздравил себя с тем, что не ошибся, когда вычислил, что Самуилыч умер около десяти. Другими словами, убийца нажал на спуск примерно в то время, пока я принимал имитацию душа Шарко.

Врач добавил, что Самуилыч сперва получил по затылку “чем-то твёрдым, обёрнутым во что-то мягкое”. К примеру, молотком, обёрнутым в полотенце. Или даже кулаком. Затем убийца выстрелил в упор из обоих стволов.

По версии врача, после удара по затылку Самуилыч отключился, упал. Убийца стрелял в лежащего без сознания.

Юсуп выслушал врача, черкнул пару слов в блокноте, поднял взгляд на парня, что стоял с овчаркой у дверей, и старался делать вид, что всё в порядке. На вопрос Юсупа, что нанюхала собачка, парень развёл руками, сказал: “Пусто. Следы обрываются на первом этаже. Там всю площадку затоптали. Там же лифт, народу полно. На улице тоже затоптано”. Юсуп кивнул, принялся за меня.

Допрос уложился в пять минут. Я рассказал про добрососедские стычки Афони и Самуилыча. Рассказал, почему Самуилыч палил в небо в шесть вечера, и почему Афоня стрелял в потолок в полдесятого. В общем, в двух словах описал весь воскресный вечер.

На вопрос Юсупа, слышал ли я, как Афоня выходил из своей квартиры после того, как я с Афоней поговорил “за жизнь”, я ответил, что не слышал, как щёлкал замок Афони и как скрипела афониная дверь не потому, что Афоня из дому не выходил, а ещё и потому, что я принимал душ. Другими словами, Афоня выходить мог. А мог и сидеть дома.

Я добавил, что выстрелов не слышал. Затем я высказал версию стрельбы с полотенцем-глушителем. Кроме того, я допустил, что не слышал выстрелов ещё и потому, что примерно в момент убийства я принимал душ. Услышать выстрелы сквозь шум воды, что издавал мой “душ Шарко”, даже если убийца стрелял без полотенца-глушителя, я смог бы вряд ли.

Когда Юсуп спросил, почему я оказался в квартире Самуилыча в столь удачный момент, я сказал, как было: мол, мне позвонил Вадик, внук Самуилыча, и попросил поведать деда, а то старик на звонки не отвечает.

Я обратил внимание Юсупа на три звонка Глеба в двадцать минут одиннадцатого, которые поступили на трубку, что заряжалась на кухонном столе Самуилыча. Я предложил Юсупу спросить Вадика, кто такой Глеб, и почему Глеб звонил Самуилычу в то время, когда Самуилычу должен был звонить внук Вадик.

Заодно я предложил спросить Вадика, сколько у него и Самуилыча банных полотенец. Мне не давала покоя версия стрельбы через полотенце-глушитель.

Затем я высказал предположение, что убийца вхож к Самуилычу в дом. Мол, раз ключ в замке и дверь не взломана, то убийцу впустил Самуилыч. При условии, конечно, что Самуилыч не идиот на ночь глядя оставлять дверь не запертой на замок. Юсуп возразил: убийца мог отпереть замок отмычкой, а после убийства вставить ключ в замок с внутренней стороны двери. Я согласился.

Юсуп спросил, где живёт Афоня. Я провёл Юсупа до афониной двери. Юсуп велел мне вернуться наверх, в квартиру Самуилыча, дожидаться Вадика, после чего провести внука жертвы в мою квартиру. Мол, негоже пацану смотреть на труп деда. Юсуп сказал, что после того как управится с Афоней, зайдёт ко мне и допросит Вадика.

Не успел я подняться на второй этаж и подойти к квартире Самуилыча, как услышал, что кто-то бегом поднимается по лестнице вслед за мной. Я обернулся. На площадку взбежал Вадик – разгильдяй восемнадцати лет, и по совместительству внук Самуилыча.

Вадик увидел меня, остановился, перевёл дух. Я шагнул навстречу.

– Вадик, тебе домой нельзя. Следователь сказал, чтобы я отвёл тебя ко мне.

– Следователь? Что случилось-то? Я думал, что...

– Твой дед умер не сам. Я не хотел говорить тебе по телефону, извини.

– Но... Как?

– Застрелили из его же ружья.

– Кто?

– Как только найдут, так и узнаешь.

– Да что там искать?! Кто деду угрожал постоянно? Ян, вы же знаете. Это знает весь двор. Это ж Афоня, скотина! Он и сегодня орал, что деда убьёт. Дед тогда ещё пальнул пару раз с балкона, слышали?

– Вадик, для начала успокойся. У тебя нет оснований, чтобы обвинять Афонию в убийстве.

– Да зачем мне эти основания?! Афоня только и делал, урод, что угрожал моего деда убить!

– Угрожал и убивал – вещи разные, согласись. Если тебе станет легче, то могу сказать, что следователь сейчас у Афони. Полегчало?

– Издеваетесь?

– Идём ко мне. Это приказ следователя, не мой.

Вадик посмотрел на дверь своей квартиры, сплюнул под ноги, чертыхнулся, поковылял вниз по лестнице. Я потопал следом. Когда спустились на первый этаж, и проходили афонину дверь, Вадик бросил: “Чтоб ты сдох, скот!”.

Я завёл Вадика к себе, провёл на кухню, усадил за стол, поставил на огонь чайник. Вадик сложил руки на груди, откинулся на спинку, уронил голову на грудь, застыл.

Я выразил соболезнования по поводу кончины Самуилыча. Вадик отмахнулся. Я извинился за то, что упустил Туза. Вадик, казалось, меня слушать не хотел.

Я позвонил Юсупу, сказал, что Вадик у меня. Юсуп сказал, что как только закончит с Афоней, так сразу зайдёт ко мне.

Вадик вскочил.

– Ян, выпустите меня!

– Не могу.

– Не имеете права! Я должен... Если ваш следователь Афонию не заберёт, то я... Афоне так просто это с рук не сойдёт!

– Что ты ему сделаешь, Вадик?

– Убью!

Вадик сжал кулаки, заиграл желваками. Я с трудом сдержал смех, подумал, что внучок весь в деда: такой же щуплый как и Самуилыч, и ростом под два метра, когда стоит на табуретке

высотой в сорок сантиметров, и спеси не меньше, чем у деда, ведь как и дед собрался биться насмерть не с кем-нибудь, а с Афоней, в котором таких как Вадик поместится трое.

Я покачал головой

– Вадик, ты же понимаешь, что я тебя не выпущу. Так что сядь. Вон уже и чайник закипел.

Сейчас я тебе сварганю чайку.

– Пейте свой чай сами. Выпустите меня!

– Кстати, ты заметил, что угрожал Афоню убить?

– Я? Когда?

– Забыл? Только что. Потому если Афоню найдут с дыркой в голове, я скажу следователю, чтобы тебя арестовали. Ведь ты угрожал Афоню убить.

– У меня сорвалось. Я сейчас в таком состоянии...

– У Афони тоже срывалось. Но его ты подозреваешь в убийстве. Я ж тебе говорил: угрожать и убивать – вещи разные. Теперь разницу понял?

Вадик сел.

Я налил Вадиду чаю. Вадик отхлебнул, обжёгся, чертыхнулся, отставил чашку в сторону, посмотрел на меня.

– Ян, зачем следователь сказал привести меня сюда?

– Чтобы тебя допросить.

– Неужели будет как в фильмах?

– Поясни.

– Ну, вы же понимаете... Я единственный наследник. Мне крышка. Будут обвинять меня.

– Соображаешь. Ты после Афони первый.

– Но у меня есть алиби!

– А вот это ты расскажешь следователю.

Чтобы чего-нибудь сдуру не напутать, я предложил Вадиду не болтать. Сказал, что убийство – дело не шуточное, тут любая мелочь, любое искажение может следствию навредить.

Я не хотел помешать Юсупу. Не хотел задать наводящий вопрос, чтобы Вадик сделал неверные выводы, и внёс в своё алиби коррективы, как сделал бы любой даже трижды невинный человек из элементарного чувства самосохранения.

После того как я отказался выслушивать алиби, Вадик замолк аж до того момента, когда в мою квартиру вошёл Юсуп.

Я налил Юсупу чаю, оставил Юсупа с Вадиком наедине, ушёл в комнату, закрыл за собой дверь, включил ноут, надел наушники, включил музыку.

Четверть часа спустя на пороге комнаты появился Юсуп. Я снял наушники. Юсуп сказал, что с Вадиком закончил, что в кухне с Вадиком сидит психолог, и что я могу, если хочу, подняться с Юсупом наверх, в квартиру Самуилыча. Само собой, отказываться от предложения я не стал.

В квартиру Самуилыча я вошёл вслед за Юсупом. В квартире нас ждал только охранник. Команда Юсупа свою работу закончила, труп Самуилыча убрала, и наверняка ждала Юсупа в машине.

Пока Юсуп осматривал квартиру, заглядывал во все закоулки, я выдал Юсупу версию “убийца знает планировку квартиры Самуилыча”. Объяснил тем, что убийца не боялся стрелять в Самуилыча, когда на дворе густые сумерки, и любопытным соседям из дома напротив видно всё, что творится в освещённых комнатах Самуилыча, как в цветном телевизоре. Мол, убийца мог знать, что коридор из окон не просматривается.

Юсуп меня выслушал, хмыкнул, сказал, что таких квартир в моём районе – через одну, и знать планировку квартиры Самуилыча может не одна тысяча человек. Так что помощи следствию моя догадка принесла мизер.

На кухне, возле холодильника, Юсуп заметил миски, из которых трапезничал Туз. На вопросительный взгляд Юсупа: “Миски есть, вижу. А где собачка?” – я ответил, что пёсика проворонил, объяснил, как и когда. Когда Юсуп начал улыбаться с фирменной юсуповой издёвочкой, я рассказал о том, как слышал вой Туза в пять минут одиннадцатого.

Я предположил, что в то время, когда завыл Туз, Самуилыч уже был убит, ведь есть поверье... Юсуп сказал, что судью мои изыски в области собачьей психологии и дурацкой мифологии даже не насмешат.

Юсуп спросил, слышал ли я лай Туза примерно во время убийства. Я напомнил, что принимал душ. Юсуп сказал, что свидетель из меня клёвый. Я спросил, зачем Юсупу лай Туза. Уж не затем ли, чтобы предположить, что убийца из своих, потому как Туз не лаял? Если я угадал, то Юсуп теряет время даром. Почему? Потому как Туз на чужих не лаял.

Чужих Туз боялся. Когда-то в Туза запустил разводным ключом пьяный жёковский водопроводчик, что приходил к Самуилычу ремонтировать кран. Угодил псине по голове. Самуилыч пса еле откачал. После того случая Туз от чужих шарахался. Если в квартиру заходил чужак, то Туз забивался под кровать. Даже не рычал. Охранник ещё тот!

В подтверждение я сказал, что во время потасовки-перестрелки Самуилыча с Афоней в половине десятого я Туза не видел. Наверняка свирепая псина пряталась под кроватью.

Юсуп махнул на Туза рукой.

Я спросил, как прошёл допрос Афони. Юсуп расплылся в улыбке, сказал, что на руках Афони нашли следы пороховых газов, на ружье нашли афонины пальчики. Афону Юсуп задержал. Афоня сидит в машине Юсупа, размышляет о смысле жизни, разглядывает наручники.

У Вадика следов пороховых газов на руках не нашли. Отпечатков Вадика на ружье не нашли. Вадик свободен как фанера над Парижем.

Когда я переварил услышанное, то захотел прояснить пару моментов.

– Юсуп, я ведь тебе рассказал, как Афоня при мне стрелял в потолок. Вот оттуда у него и следы на руках, и оттуда же его пальцы на ружье.

– Может, и от стрельбы по потолку. Но ты не докажешь, что не от стрельбы по твоему Самуилычу.

– Афоня такой тупой, что с ружья отпечатки не стёр? Ведь об этом в каждом фильме.

– Запаниковал, забыл. Когда стрелял, чувствовал себя героем, хвост держал пистолетом. Когда понял, что натворил, и чем грозит, запаниковал. А в панике герои забывают самые элементарные вещи.

– Объяснение просто супер.

– Какое есть.

– Афоня мог и не убивать, а ты его уже забрал.

– Ты же не думаешь, что я оставлю гулять мужика, который наштамповал на ружье пальчиков на два срока?

– А если не он?

– А если он, и он уйдёт, если я его не возьму?

– Почему ж он не ушёл сразу, а дождался тебя?

– Сразу не сообразил, а когда понял, чем пахнет... Если смоемся, отвечать будет кто? Ты?

Я почувствовал перед Афоней вину. Всё же про Афону как возможного подозреваемого рассказал Юсупу я. С другой стороны, если бы не я, то это сделал бы любой кому не лень из моего двора. Первый, в кого бы ткнули пальцем, в ответ на вопрос, кто мог убить Самуилыча, сказал бы: “Афоня, кто же ещё!”.

Юсуп дал мне время пожалеть Афону, затем меня добил: сказал, что алиби у Афони нет. Во всяком случае то, что Афоня называл алиби, Юсуп назвал дешёвой отмазкой.

Со слов Юсупа, после того как Афоня рассказал мне о собачьем дерьме на балконной решётке, и после того как я от Афонии ушёл, Афоня позвонил даме сердца. Называть даму Афоня отказался, потому как замужня.

В качестве доказательства Афоня показал Юсупу на мобильнике время начала звонка и длину разговора. Даме сердца Афоня позвонил без десяти десять, и болтал четверть часа. Афоня счёл, что телефонный разговор с дамой составит прекрасное алиби. Но момент смерти Самуилыча врач определил в десять вечера “плюс-минус полчаса”. Потому Афоня мог убить и до разговора с дамой, и сразу после.

Юсуп добавил, что у Афонии на костяшке кулака свежая ссадина, такая, как если бы Афоня кого-то треснул. Значит, ударить Самуилыча по затылку Афоня мог. Я сказал, что Афоня мог сбить кулак, когда саданул Самуилычу под глаз ещё до того, как к разгару той потасовки-перепалки, что была в полдесятого, подоспел я. Вот если бы на затылке Самуилыча нашли кровь, что осталась от афониного кулака... Юсуп сказал, что проверят.

Я понял, что Юсуп ухватился за Афоню как за основного подозреваемого, и отступится вряд ли. Словно в подтверждение моей догадки Юсуп сказал, что у Афонии солидного алиби нет, как ни крути. Зато есть следы пороховых газов на руках. Вдобавок на ружье есть отпечатки афониных пальчиков. Разве для того, чтобы подозревать Афоню в убийстве Самуилыча, надо что-то ещё?

В защиту Афонии у меня осталась лишь парочка доводов. Я начал с самого очевидного.

– Юсуп, ты не подумал об одной простой штуке: Афоня знал, что Самуилыч живёт с внуком, с Вадиком. Допустим, что когда Афоня пришёл убивать Самуилыча, то Вадика в квартире не застал. Как же Афоня не побоялся, что в момент убийства Вадик может вернуться домой?

– Не побоялся, и всё. Что тут думать? Может, решил и внука заодно... И потом, Ян, ты ведь сам сказал, что планировку квартиры Самуилыча убийца мог знать. Ведь не боялся стрелять в освещённом коридоре, потому как знал, что через окна его не увидят. У Афонии квартира точь-в-точь как у Самуилыча. Кому как не Афоне знать планировку квартиры Самуилыча, а?

– Ну...

– Ян, мои спецы сказали, что отмычкой в замке Самуилыча злодеи не ковырялись. Значит, убийца открыл дверь Самуилыча. Кому открывают дверь поздним вечером? Знакомым. Уж Афоня-то Самуилычу знаком более чем кто-либо. Согласен?

– Самуилыч обещал встречать Афоню с ружьём наперевес. Как Афоня мог бы дать Самуилычу по затылку, если у старика в руках ружьё?

– Молча. Так, как дал в лоб при драке с пальбой в потолок, которую ты мне тут нарисовал. Ведь если отобрать у Самуилыча ружьё Афоня как-то умудрился однажды, то почему не мог подвиг повторить? Но на этот раз после того, как дал Самуилычу в лоб, а старик отключаться не захотел, Афоня добавил деду по затылку. Вот и вся недолга.

Я развёл руками. Юсуп улыбнулся в стиле “извини, братишка, но на этот раз ты проиграл”. Чтобы меня добить, Юсуп расщедрился на подробное описание алиби Вадика.

Начал Юсуп с того, что Самуилыч владел всего-то квартиркой, в которой мы стояли. Квартирке цена в худшем случае полсотни тысяч баксов. Кроме Вадика наследников у Самуилыча не наблюдалось.

Я тут же заявил, что потому-то и следует допросить Вадика с пристрастием, а не с нянькой-психологом. Юсуп сказал, что я просто гений, как бы он без меня...

В момент убийства Самуилыча Вадик веселился на даче у дружка по имени Глеб. Вадику и Глебу компанию составили Ковылякин и Хребтолом. Когда я спросил: “Хребтолом – это кличка?”, Юсуп сказал: “Фамилие такое. Ковылякин – тоже фамилие. Вот так пацанам в жизни повезло”. Я пацанам посочувствовал. Юсуп продолжил.

Вадик, Глеб, Хребтолом и Ковылякин – одногодки, корешуют сто лет. Вадик клянется-божится, что приехал на дачу Глеба в восемь вечера, не отлучался ни на минуту, и что вадиковы слова дружки подтвердят.

Вот такое у Вадика алиби. Вполне сносное. На утро Юсуп запланировал встречу с Ковылякиным и Хребтоломом, чтобы вадиково алиби стало не только сносным, а ещё и подписанным.

Напоследок Юсуп сказал, что тот мобильник, что я нашёл на кухонном столе, принадлежит Самуилычу. Почему в то время, когда Самуилычу должен был звонить Вадик, на мобильнике Самуилыча значились вызовы с номера Глеба? Потому что Вадик забыл свой мобильник дома. Потому и позвонил Вадик деду с мобильного Глеба. Потому я и нашёл на мобильнике Самуилыча вызовы от Глеба, не от Вадика.

Со слов Вадика, в адресную книгу мобильного Самуилыча номер и имя Глеба – равно как и остальных вадиковых дружков – забиты для того, чтобы в случае, когда Вадик деду понадобится, дед смог обзвонить корешей Вадика и внука найти.

Так что таинственный абонент по имени Глеб, что звонил Самуилычу, вовсе не Глеб, а Вадик. Три вызова от Глеба на мобильнике Самуилыча – это звонки Вадика, на которые Самуилыч не ответил, и сразу после которых Вадик позвонил мне и попросил, чтобы я Самуилыча проведал. Вот и вся “тайна трёх звонков”.

Под конец разговора я вспомнил, что хотел узнать, не использовал ли убийца в качестве глушителя одно из банных полотенец Самуилыча. Вопрос о полотенце я задать не успел. Юсуп меня опередил ответом на мой незадачный вопрос. Такое бывает. Когда общаешься с человеком сто лет, он иногда угадывает мысли.

Юсуп сказал, что у Вадика и Самуилыча одно полотенце на двоих. Другими словами, после душа вытираются одним полотенцем, тем, что должно висеть в ванной комнате. Я не поверил. Юсуп напомнил, что как-то мы видели семейку и похлеще, где принимают ванну всей семьёй, по очереди, причём воду в ванне не меняют, и купаются в темпе вальса, пока вода не остыла. Я признал, что да, мол, такое бывает, но в то, что Самуилыч и Вадик вытирались одним полотенцем, я верю с трудом. Всё-таки пацану только восемнадцать, а деду пошёл восьмой десяток... Юсуп отмахнулся.

По просьбе Юсупа я спустился к себе, привёл Вадика. Юсуп предложил Вадика осмотреть квартиру, не пропало ли чего. Вадик квартиру обошёл, осмотрел каждый угол. В конце осмотра Вадик сказал, что пропаж не заметил. Деньги и мобильники не пропали, а больше, мол, и пропадать-то нечему. Мол, всё имущество Самуилыча и Вадика иначе как ни одному вору не нужным старьём не назовёшь. Протокол осмотра Вадик подмахнул не глядя.

Я предложил Вадика переночевать у меня. Всё-таки первая ночь после смерти деда... Вадик отказался.

Юсуп попрощался с Вадиком, вышел из квартиры Вадика вон. То же сделал и я.

Перед тем как сесть в машину, Юсуп сказал, что раз в квартире Самуилыча ничего не пропало, то версию убийства ради ограбления можно отбросить. Остался Афоня. Очень похоже на месть вредному соседу. Мол, такое бывает, если бесконечными подлянками довести соседа до ручки. Как я ни противился, а не признать правоту Юсупа не смог.

Юсуп и его команда уехали. Афоню Юсуп забрал с собой.

Я вернулся к себе, отправился в душ смыть с себя малоприятные запахи самуилычевой квартиры, которыми, казалось, я пропах-пропитался насквозь. После душа я отчалил на боковую.

Не успел я прижать ухо к подушке, как прибыла тьма мыслей, связанных с убийством Самуилыча.

*

*

В то, что Самуилыча застрелил Афоня, я поверить не мог. Хоть ты меня тресни, а я даже не допускал и мысли, что Афоня способен на убийство. Афоня мог звездануть старика в глаз. Мог пальнуть в потолок. Но убить...

Я ещё мог допустить, что Афоня, доведённый до ручки пакостями Самуилыча, пальнул бы в Самуилыча во время потасовки-перестрелки, если бы тогда не явился я. Те глаза бешеной селёдки, которыми злоба заменила глаза афонины, я помню до сих пор. В таком состоянии, которое умные люди называют состоянием аффекта, пальнуть в человека может кто угодно. Но Афоня тогда пальнул в потолок, причём оба раза.

Затем Афоня ушёл к себе, пригласил меня на рюмку водки. Афоня выглядел заведённым, но не безумным, которому только дай ружьё и повесь на грудь обидчика мишень. Афонино возбуждение выглядело затухающим.

Кроме того, Афоня, если Юсупу не соврал, после моего ухода позвонил даме сердца. После разговора с зазновой пошёл убивать Самуилыча? Наоборот, должен бы от дурных мыслей отвлечься. Разве что зазноба сказала: "Будь мужиком! Убей обидчика!", ведь таких дур хватает, равно как и дураков, которые этих дур слушают. На вид Афоня таким дураком не казался.

С другой стороны, уж слишком Афоня многого от Самуилыча натерпелся, чтобы отметить виновность Афони сходу. Не знаю, как бы повёл себя на месте Афони я, нападости мне Самуилыч столько, сколько Афоне. Быть может, живи я в квартире Афони, то не выдержал бы куда раньше, и вместо Афони Юсуп увёз бы меня. И шили бы мне убийство вовсе не в состоянии аффекта, а умышленное, потому как то, что вытворял Самуилыч, кого угодно могло подтолкнуть к мысли "А не пора ли Самуилычу на вечный покой?".

Многие соседи до сих пор считают, что свою смерть Самуилыч заслужил как никто другой. Мало того, некоторые признавались, что ещё чуток, и уронили бы на Самуилыча с крыши кирпич.

Вроде бы ничего сверхъестественного Самуилыч и не творил. Таких соседей полным-полно. Самуилыч обожал попилить, повколачивать гвозди, посверлить, порихтовать, почеканить, причём с утра до вечера. Соседи глохли, но Самуилыч на соседей плевал.

По утрам Самуилыч отводил полчаса здоровью – делал зарядку. Перед тем как начать бег на месте, Самуилыч наверняка надевал самые тяжёлые башмаки с подковами на каблуках, потому что грохот стоял такой, что даже мне казалось, что по моей макушке колотят молотом. Что уж говорить об Афоне, который жил под Самуилычем.

Как с зарядкой сочеталось курение самокруток, не знаю, но когда Самуилыч закуривал... Я думал, что повешусь. Дым от козых ножек, начинённых самосадом, иногда затягивало ко мне в кухню. Дышать становилось нечем.

Когда Самуилыч жарил-шкварил-куховарил, то вонь от пережаренного прогорклого масла выворачивала соседям кишки. Афоне везло больше других, потому как по непонятным причинам запахи из квартиры Самуилыча сквозняком затягивало в форточку Афони на порядок чаще чем другим. Афоне приходилось либо сидеть с закрытыми окнами и без кислорода, либо нюхать вонищу с кухни Самуилыча.

Самуилыч любил грецкие орехи. Колол Самуилыч орешки молотком да на полу, у Афони над головой. Орехов Самуилычу могло захотеться в четыре утра.

Когда афонины претензии Самуилычу надоедали, то старик выливал ведро воды на пол в туалете. Сквозь щели между панелями вода мигом стекала в туалет Афони. На крики Афони Самуилыч делал удивлённое лицо и говорил, что шёл подмыться, да по дороге разлил ковшик воды. А откуда у Афони насобиралось целое ведро, это Самуилычу неизвестно.

Где найти силы, чтобы такого соседа не возненавидеть?

С другой стороны, за такое не убивают. Ненавидят, это да, но для душегубства одной вредности соседа не хватит.

В принципе, можно и убить, если ты с нервами не дружишь, и у тебя в руках ружьё. Таких убийц полные тюрьмы.

Но пальнуть, когда тебя трясёт, когда ты на взводе – это одно. Оглушить, а затем выстрелить в спину – это уже в трезвом уме. Со злости можно стукнуть по затылку, а вот после того, как человек упал, причём лежит без движения и не опасен, проложить между стволом и телом одеяло-глушитель да нажать на спуск – это уже сделано с холодным рассудком, с осознанием того, что делаешь. Ведь одеяло-глушитель между ружьём и телом – это способ замести следы. В состоянии аффекта о следах не думают, просто стреляют.

По всему выходило, что дядька Некто застрелил Самуилыча вовсе не в порыве злости. Поверить в то, что Афоня убил Самуилыча в здравом уме и трезвой памяти, я так и не смог. За что убивать-то? За подянки? Тогда надо подозревать полдвора, ведь Самуилыча не обожал не только Афоня. Самуилыча ненавидел весь двор. Каждый второй во дворе хоть раз, да выкрикнул в адрес Самуилыча в сердцах: “Чтоб ты сдох!”. Кто раз, а кто и на регулярной основе.

Но больше всех, конечно, отличился Афоня. Пару раз Афоня даже прилюдно хватал Самуилыча за грудки да встряхивал так, что старик чуть затылком не стучал по своим лопаткам. Юсупу достаточно было опросить соседей, и Афоня обрёл бы статус главного подозреваемого.

Потому я смирился с мыслью, что для Юсупа Афоня – таки подозреваемый номер один. Да и куда деть афонины отпечатки на ружье и следы пороховых газов на руках?

На том я и заснул. Нет, соврал. Заснул я на том, что подумал: “А почему бы кому-нибудь не натянуть перчатки, и не застрелить Самуилыча из ружья, на котором остались пальчики Афони?”.

*

*

С подъёма голову оккупировали мысли о Самуилыче, Афоне, да дядьке Некто в одноразовых перчатках. Отвлечься не помогли ни утренняя тренировка, ни душ, ни завтрак. Мысли в стиле “Если не Афоня, то кто?” заполонили сознание, и ни о чём другом думать не давали.

Версия “Самуилыча застрелил не Афоня” мне нравилась больше той, за которую ухватился Юсуп. Осталось найти подозреваемого. Вот с ним-то я и буксовал. Претендентов на должность убийцы из числа тех, кто Самуилыча ненавидел, я насчитал полдвора. Как их всех проверить?

Конечно же, главный претендент – внук Самуилыча, Вадик. Ломать голову, выискивать неизвестные статистике мотивы я не стал. Предположил, что Вадика захотелось пожить самому, без вредного деда.

К тому же квартира Вадика почти в центре, то есть вдвое дороже точно такой же, только на окраине. Если Вадика устраивало жить на окраине, то мог запросто квартиру деда обменять с доплатой тысяч в двадцать. Это не мелочь, это деньги. Убивают и за суммы куда меньшие, за сущие копейки, жизнь человеческую не ставят и в грош, а тут двадцать штук баксов.

Та часть меня, которая отвечает за благоразумие, спросила, в своём ли я уме, что подозреваю Вадика. Та часть меня, что отвечает за реальное восприятие мира, заявила, что песни типа “Как внук мог убить родного деда?!” меня давно не трогают. К несчастью, видел и не такое.

В половине девятого, когда я уже подозревал Вадика на всю катушку, звякнул дверной звонок.

Я открыл. Передо мной стояла блондинка из тех, которых называют шикарными. Пышная, знойная, выше меня на голову. Чтобы мою гостью-каланчу очаровать, мне пришлось бы освоить поцелуй в прыжке.

Блондинка улыбнулась. Как гостя ни старалась, а улыбка вышла вымученной. Я улыбнулся в ответ. Надеюсь, моя улыбка смотрелась поживее.

Блондинка взглядом указала на дверь Афони.

– Я от него, от Афони. Вы – Ян?

Я кивнул. Блондинка взглянула на пространство позади меня. Могу поспорить на сто тысяч, что увидела там мой коридор. Блондинка замялась.

– Эээ... Войти можно? Или будем говорить здесь?

– С кем говорить-то? Вы кто?

– Я – Лора. Я... друг Афони.

Я посторонился, афониного друга впустил, провёл в комнату, усадил в кресло для клиентов, предложил минералки. От воды Лора отказалась, спросила, нет ли чего покрепче. Я сказал, что пошло в доме не держу, но могу сходить в вино-водочный, если Лора согласна полчасика подождать. Лора отмахнулась, с минуту посидела, собралась с мыслями, затем заговорила.

– Ян, Афоня не виноват. Я его знаю. Он убить не мог. Притом старика... Нет, это не Афоня.

– Откуда вы всё знаете?

– От Афони.

– Как вы с ним состыковались?

– Следователь разрешил позвонить адвокату, а Афоня позвонил мне. Позвонил ночью. Сказал, что его везут в тюрьму. Сказал, что я могу подъехать к нему в восемь утра. Можете себе представить, какая у меня была ночка.

– Сочувствую.

– В общем, я прямо от него, от Афони, и сразу к вам. Он объяснил, где вы живёте.

– Почему Афоня не позвонил мне сам?

– Ему стыдно за то, как вёл себя с вами вчера. Ян, как вы смотрите на то, чтобы Афоне помочь? Он говорит, что не виноват, и я ему верю.

– Хорошо бы, чтобы Афоне поверил и следователь. Афоня угрожал Самуилыча застрелить. Афонины угрозы слышал весь двор.

– Афоня говорит, что это он не серьёзно. Сорвалось.

– От его несерьёзности на потолке Самуилыча две выбоины. Афоня стрелял, пусть и в потолок. Думаете, судья поверит, что Афоня так шутил?

– Что, всё так серьёзно?

Я кивнул. Лора потёрла виски, пробормотала: “Что же делать-то, а?”. Затем Лора просияла, затараторила.

Начала с того, что выругала себя за дырявую память. Ведь она и приехала-то ко мне только для того, чтобы подтвердить афонино алиби. Мол, в то время, когда, со слов следователя, произошло убийство, Афоня разговаривал с Лорой. Чем не алиби?

Лора протянула мне свою мобилку, сказала, где искать афонин звонок-алиби. Я нашёл афонин вызов, убедился, что разговор Афоня начал без десяти десять. Лялякал с Лорой Афоня четверть часа. Всё выходило так, как и рассказал Афоня Юсупу. Я вернул мобилку хозяйке. Лора посмотрела на меня с ожиданием.

Не знаю, чего от меня ждала Лора, но я даже не улыбнулся. Лора посерьёзнела.

Для начала я согласился: алиби супер. Лора повеселела. Затем я добавил, что время смерти доктор указал чересчур расплывчатое: десять вечера плюс-минус полчаса. Отсюда вывод: звонок Афони Лоре за алиби не сойдёт. Лора погрустнела.

Чтобы Лора поняла всю серьёзность афониного попадания в маргарин, я сказал, что если бы доктор назвал время смерти Самуилыча с точностью даже до секунды, то звонок Афони Лоре в качестве алиби не прокатил бы ни за что. Лора распахнула глаза в стиле “Как же так?!”. Я пояснил: кто докажет, что с без десяти десять до пяти минут одиннадцатого Афоня с Лорой разговаривал?

Я предложил Лоре представить такую ситуацию: Афоня набрал номер Лоры, Лора трубку сняла, Афоня отправился стрелять Самуилычу в спину, после убийства Афоня связь с Лорой

разорвал. Затем Лора приходит ко мне и клянётся-божится, что с Афоней разговаривала. Липовое алиби готово.

Когда смысл моих слов до Лоры дошёл, Лора побагровела до чёрных корней приброндированных волос. Лора заявила, что если я намекаю на то, что Лора Афоню покрывает...

Договорить я Лоре не дал. Сказал, что, кроме того, что Лора может лжесвидетельствовать, так ещё и остаётся возможность предварительного сговора. Мол, Афоня с Лорой договорились о таком алиби заранее, и теперь ломают комедию.

Кожа на лице Лоры сменила багровый цвет здоровой злости на бледно-лунный цвет страха.

Я поспешил гостью успокоить. Пояснил, что рассказал страсти-мордасти о липовом алиби только ради того, чтобы Лора о звонке Афони как о железобетонном алиби забыла, и чтобы поняла, как афонин звонок при желании можно использовать Афоне и Лоре во вред, если Лора будет чересчур напирать на следствие с алиби, в которое не поверят даже выпускники детсада.

Лора показала, что когда надо, умеет всплакнуть. Я показал, что у меня в доме полно салфеток.

Лора сквозь слёзы рассказала, как любит Афоню, и как хочет, чтобы его освободили. Сказала, что когда накануне болтала с Афоней, то не могла даже и думать, что Афоня в тот момент вынашивал план убийства. Такой был милый разговор, Афоня как обычно рассыпался в нежностях, ведь Афоня такой мастер флирта...

Затем Лора показала, что когда надо, умеет глаза просушивать так, словно слёз не было и в помине. Через несколько секунд после того, как Лора в последний раз коснулась платочком уголков глаз, на меня посмотрела женщина, владеющая собой на все сто.

Лора заявила: о звонке Афони Лора рассказала только мне. О том, что Лора накануне разговаривала с Афоней, кроме меня и Афони, не должна знать ни одна живая душа. Следовательно Афоня сказал, что в момент смерти Самуилыча звонил даме, но кому именно, скрыл. Раз уж афонин звонок в качестве алиби пролетает, то и хорошо, что афишировать звонок не придётся.

На мой вопрос, почему звонок надо скрыть, Лора смерила меня взглядом из серии “Ты когда родился, мальчик?”, затем сказала, что замужем и надеется на мою порядочность. Втыкать шпильку: мол, кто бы мычал о порядочности, я передумал.

Между тем Лора приступила к стандартному набору оправданий из арсенала гулящих жён. Мол, муж богатый, но Лора мужа не любит. Живёт с богатеньким ради денег. Лора любит Афоню. Лора на перепутье. Не может решить, что выбрать: деньги или любовь. На том перепутье Лора уже не один год. Так и живёт на два фронта: ночью спит с мужем, днём веселится с Афоней, и всё боится назвать Афоню Светой, потому как Афоня записан в мобилке Лоры под именем Света.

Под конец Лора сказала, что Афоня потому-то и предложил обратиться ко мне, частному сыщику: мол, на то сыщик и частный, чтобы сохранять частную жизнь клиента в тайне. Лора повторила раза три: муж узнать не должен.

Я спросил, почему Лора не подумала о режиме секретности, когда ездила на свидание с Афоней. Ведь Лора оставила в журнале посещений свои паспортные данные. Лора сказала, что журнал её не волнует. Запись из журнала до мужа не доберётся.

А вот если Лору из-за афониного звонка-алиби начнут таскать на допросы да в суды...

Я сказал, что спохватилась Лора поздно, потому как у Афони хватило ума позвонить Лоре из милиции.

Лора заклипала накладными ресницами. Я понял, что до Лоры не дошло. Пришлось пояснять. Я сказал, что следовательно осталось проверить, куда звонил Афоня предположительно в момент убийства, и потом сравнить тот номер телефона с тем, по которому Афоня звонил

из милиции. Следователь сообразит что к чему, позвонит Лоре, чтобы уточнить, звонил ли Афоня Лоре в момент убийства. Потому сохранить Лору в тайне не получится.

Лора потухла. Я решил Лоре настроение приподнять.

– Лора, не всё так смертельно. Улыбнитесь!

– Как раз всё смертельно! Муж меня убьёт!

– Я попробую уговорить следователя вас не доставать.

– Правда? Это было бы прекрасно.

– А если окажется так, что ради афониной свободы придётся вас раскрыть?

– Я... Я к этому пока не готова. Нет, ни в коем случае! Я привыкла жить хорошо. Афоня мне такую жизнь не обеспечит. Любовник он хороший, но...

– Ясно. Хорошо уже то, что вы рассказали об афонином звонке. Какое-никакое, а это уже алиби. Как вы собираетесь платить?

– Эээ... Сколько?

– Для начала мне не помешает тысяча баксов.

– Дороговато... Денег у меня сейчас нет. Если я сниму деньги со счёта, то муж заподозрит. Не могли бы вы подождать недельку-другую?

– Мог бы. Чего не сделаешь ради доброго соседа!

– Вы серьёзно?

– Да. Расплатитесь позже.

– Значит, вы моего Афоню вытащите?

– По крайней мере, попытаюсь. Приём окончен.

Я встал. Лора вскочила, на радостях чмокнула меня в щёку, для чего девушке-каланче пришлось нагнуться как для земного поклона.

Я провёл гостью до машины. Перед тем как тронуться, Лора сказала что-то, что я не расслышал из-за мопеда, который завёлся-задырчал у соседнего подъезда. Я пригнулся, подал голову ближе к окну, чтобы ухом быть ближе к губам Лоры, попросил повторить последнюю фразу. Лора не без удивления сказала, что я не расслышал “До свидания!”, затем придавила педальку газа.

Дома я уселся в кресло, включил мозги, собрал в кучу всё, что знал.

Лора подтвердила, что примерно в момент смерти Самуилыча четверть часа говорила с Афоней по телефону. Доктор высчитал момент смерти Самуилыча с точностью “плюс-минус полчаса”. Другими словами, времени для убийства Афоне хватало.

К тому же Афоня мог набрать номер Лоры, дожидаться, пока Лора снимет трубку, застрелить Самуилыча, связь с Лорой разорвать. В таком случае Афоня с Лорой в сговоре. Поверить в сговор я не мог так же, как и в то, что Афоня мог застрелить Самуилыча на холодную голову из-за каких-то несчастных соседских несостыковок.

Лора сказала, что Афоня по телефону рассыпался в нежностях, и в общем разговор был милым. Как человек после убийства мог рассыпаться в нежностях, флиртовать, и при этом не выдать голосом волнение? И кто? Афоня? Тот, кто заводился в минуту, и останавливался через час? После стычки с Самуилычем, когда посадил старику под глаз синяк да пару раз пальнул в потолок, Афоня завёлся не на шутку. А уж после убийства... Голос заведённого Афони спутать с голосом Афони, воркующего с любимой, мог только тот, кому медведь наступил на оба уха, да потоптался по голове.

С другой стороны, Лора могла мне и не сказать, что голос Афони показался ей возбуждённым. Могла просто-напросто соврать. Разве для того, чтобы вытащить хорошего любовника из передраги, женщина не пойдёт на враньё? Аж побежит! Риска-то никакого. Ни один самый пронирующий следователь не докажет, что Афоня не ворковал с подружкой, а рычал в трубку: “Я этого урода таки уделал!”.

Если о милом разговоре и россыпях нежностей Лора соврала, то Афоня позвонил Лоре, чтобы успокоиться, унять дрожь после убийства. Мужики почему-то страсть как обожают после стресса плакаться дамам в жилетки. А говорят, сильный пол...

Значит, Афоня сразу после разговора со мной поднялся к Самуилычу, и решил проблему вредного соседа дуэтом из двустолки. А я в это время принимал “душ Шарко”.

Если же Афоня звонил Лоре не после убийства, а до, то неужели после милого разговора с зазубой, после флирта и нежностей, пошёл и застрелил старика?

Оставалась ещё одна возможность: Лора соврала, когда разговор с Афоней назвала милым. К примеру, Лора наговорила Афоне кучу гадостей, как это бывает у влюблённых, а впечатлительный Афоня отыгрался на старике. Пошёл сорвать зло на Самуилыче, хотел дать в глаз, а получилось убийство. Почему нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.